

Джессика чувствовала, что тонет в собственной глупости.

Она знала, что было ошибкой прийти к Лайонелу прямо перед его свадьбой, чтобы переспать с ним и рассказать ему о своих истинных чувствах к нему, о любви, которую она хранила в своем сердце с момента их первой встречи. Но у нее не было ни единого шанса. Ни против Моргана, его жениха, ни против шести сногшибательных красавиц, с которыми они оба встречались на стороне. Лайонел любил свою будущую жену и других подруг всем сердцем. Он пытался сказать Джессике, что тоже любит ее, но она больше не хотела такой жизни. Она не хотела быть частью гарема, а это было именно так, даже если Лайонел и все остальные отказывались так это называть.

Вместо этого Джессика ушла. Он не пытался остановить ее, и это было почти так же больно, как его отказ. Пошел бы он за кем-нибудь из остальных? Джессика была уверена в этом. Но вместо того, чтобы попытаться убедить ее остаться, Лайонел вернулся в свой большой дом, несомненно, уже забыв о ней и готовясь к ночной оргии.

Она ушла и поклялась никогда больше не позволять своему сердцу быть разбитым.

* * *

Доктор Виндзор стояла спиной к классу. Корбин не мог оторвать глаз от ее извилистой задницы, обтянутой серой юбкой до колен, или от черных чулок, подчеркивающих ее ноги. Его фантазии почти сразу же побежали за ним. Он представил, как она вызывает его в класс, и он поднимает юбку, чтобы показать ее задницу в стрингах или трусах-бикини. Он стянет их вниз настолько, что сможет нагнуть ее и трахнуть прямо на глазах у всех.

Доктор Виндзор была одной из самых сексуальных женщин в кампусе, а таких было множество. Университет Аграмонте привлекал их толпами. Он постоянно входил в десятку лучших тусовочных школ в стране, и, поскольку в нем с самого начала уделялось особое внимание хорошей зарплате, преподаватели, как правило, были молодыми и красивыми, а то и красавцами. Здесь было тридцать или сорок профессоров, возможно, таких же горячих, как Памела Виндзор, хотя она, безусловно, была выбором Корбина на первое место.

Она повернулась, что-то говоря, но Корбин едва заметил. Его взгляд привлекли ее груди в топике без рукавов под строгим пиджаком. Ну конечно же. Каждый парень в комнате, казалось, напрягался каждый раз, когда они снова появлялись в поле зрения. В ее выборе одежды никогда не было ничего откровенно сексуального, но у нее была фигура типа песочных часов, идеально подходящая для итальянских подиумов. И в ее движениях всегда присутствовала легкая пружинка, такая же смертельно гипнотическая, как и все, что Корбин когда-либо видел.

Ходили слухи, что в кампусе у нее тоже есть горячая дочь. В это трудно было поверить. Доктору Виндзор никак не могло быть больше тридцати. Она была слишком молода, чтобы иметь дочь в колледже, хотя Корбин предполагал, что его собственные родители были примерно ее возраста. Они были молоды, когда у них родился он. Хотя с этим было трудно

примириться - его отец уже почти облысел, а мать была веселой кругленькой женщиной, которая всегда выглядела старше своих лет, даже когда была подростком.

Доктор Виндзор заговорил снова, и на этот раз несколько одноклассников Корбина оглянулись на него. Он не обратил внимания. Он фантазировал о том, как задирает топик и опускает чашечки лифчика сексуальной профессорши, чтобы взять в рот ее толстые, полные соски и...

"Мистер Блок!" сказал доктор Виндзор.

Смешки вокруг него окончательно вывели Корбина из оцепенения. Он моргнул, осознавая, что под столом он был до боли твердым, и радуясь, что там была небольшая губа, так что никто не мог видеть, как задрались его джинсы.

"Женевская конвенция?" сказал Корбин. В какой-то момент они говорили об этом, верно? Стоит догадаться.

Класс разразился смехом. Губы доктора Виндзор искривились в улыбке, которая могла бы быть улыбкой, если бы она не пыталась быть строгой в этот момент. "А какое отношение имеет Женевская конвенция к году, когда Джозеф Маккарти пришел к власти?"

"Ах", - сказал Корбин. Его мысли начали смещаться по мере того, как доктор Виндзор подходила все ближе и ближе, держа в руке черный презентационный кликер. Он представил, что это какая-то секс-игрушка, которую она собирается предложить ему, чтобы подразнить ее.

Сосредоточься, мысленно прикрикнул он на себя.

"Девятнадцать... пятьдесят?"

"Очень хорошо", - сказал доктор Виндзор. "И только.... через две минуты после того, как я вас спросила".

Класс снова разразился смехом. Корбин покраснел, когда доктор Виндзор встала перед его столом. Ее лосьон с ванильными бобами возбудил его до еще большей выпуклости. Он хотел облизать каждый сантиметр кожи профессора, которого касался лосьон. Под ее топом не было видно ни одной линии бюстгалтера, но он не мог разглядеть ни одного соска, очерченного тканью. На ней были пастисы?

Боже правый, что с ним такое?

"А если ответить немного быстрее, чем был знаменит Джозеф Маккарти?"

"Он, ах, вел что-то вроде охоты на коммунистических ведьм, когда был, гм, сенатором?"

Глаза доктора Виндзор зажмурились, и она кивнула. "Очень хорошо". Она пошла дальше, а Корбин выпустил вздох, который, как ему показалось, он не сдерживал. Однако была одна очень большая проблема. Его стояк не уменьшался, а до конца урока оставались считанные минуты.

Спускай, крикнул он себе.

Сделай меня, - казалось, кричал в ответ его член. Или, еще лучше, сделай ее. Представьте, как эта большая сочная задница подпрыгивает на мне.

Ради всего святого, опускайся!

"Что это было, мистер Блок?" спросил доктор Виндзор.

Корбин понял, что произнес слова "спустись", и в ужасе поднял голову. "Э-э, ничего".

"Оставайтесь после уроков", - сказал доктор Виндзор. "Мне больше не смешно".

Корбин слабо кивнул, и ему захотелось прислониться головой к столу. На этот раз никто не засмеялся. Вскоре после этого таймер на телефоне доктора Виндзор немилосердно затрезвонил, и все, кроме него, поспешили покинуть кабинет.

Его профессор ожидающе сложила руки, а когда последний студент вышел, спросила: "Ну что?".

"Мне очень жаль. Я не понимал, что бормочу то, о чем думаю".

"И о чем же вы думали, мистер Блок?"

"О..." Корбин покраснел и уставился на свою столешницу. "Э-э".

"Тогда позвольте мне кое-что предположить. Я собираюсь продолжить и предположить, что вы отвлеклись на меня, это верно?"

Корбин покраснел и прошептал: "Вот дерьмо".

"О, черт, как раз то, что надо. Мистер Блок, я женщина. Вокруг вас ежедневно находятся женщины. Вам сколько, восемнадцать-девятнадцать?"

"Девятнадцать", - пробормотал он. "Я... поздно поступил в колледж".

"Мне все равно. Ты уже достаточно взрослый, чтобы пара грудей и попка не отвлекали тебя от курсовой работы. Если ты так легко теряешь концентрацию, у тебя будет чертовски трудный семестр здесь, в кампусе, и в других местах в жизни. Повзрослей".

"Мне жаль", - сказал Корбин.

"Иди. Иди на следующий урок".

"Я... я не должен... вставать". Он наконец-то поднял голову, его желудок подпрыгивал. Доктор Виндзор смотрела на него, сложив руки.

"Вы серьезно?" - шипела она. "После той речи?"

"Мне жаль. Это было раньше, и мне трудно, гм, иногда заставить себя сдержаться, и, Господи, я никогда не был так смущен".

Что-то в выражении ее лица смягчилось, и появилась улыбка. Доктор Виндзор вздохнула, но, кажется, скорее раздраженно, чем сердито. "Через несколько минут у меня будет еще один урок, так что времени мало. Через коридор есть мужской туалет. У тебя есть рюкзак. Сделай вид, что роешься в нем, и поспеши туда. Если повезет, там будет свободная кабинка, и ты сможешь дать себе несколько минут, чтобы успокоиться".

Несмотря на выпуклость штанов, Корбин вскочил на ноги и подхватил рюкзак. "Спасибо, простите, это действительно не я, клянусь".

Ее глаза метнулись вниз, потом снова вверх, и теперь была ее очередь краснеть. "Иди. Сейчас же."

Он так и сделал.

* * *

Тот, кто придумал название работы "Атлетическая поддержка", заслуживал и награды, и пинка под зад, но Корбину эта работа действительно нравилась. Он был универсалом в спортивном комплексе. Большую часть недели он убирал оборудование в универсальном спортивном зале школы. Не совсем сложная работа, но он слушал классную музыку, смотрел, как тренируются красотки, и, что самое приятное, он регулярно общался с помощником спортивного директора Кенни Килтоном, человеком-богом и молодой живой легендой.

Когда-то Кенни был звездным полузащитником школы, но потом на три сезона ушел в профессионалы. Он был хорошим игроком, чередуя позиции, когда это было необходимо, и обеспечивая как скорость нападения, так и ястребиный защитный ум. В последней игре его вывел из строя неприятный удар, нанесенный двумя игроками из команды соперника, и ходили

слухи о том, что он получил сотрясение мозга, завершившее карьеру, но никто точно не знал, почему он ушел из команды. Он вернулся в колледж, который любил, и устроился на работу сначала помощником тренера, а затем помощником спортивного директора.

Кенни Килтон был героем Корбина. Не из-за его спортивного наследия - Корбин любил футбол, но не был им увлечен, - а потому, что молодой спортивный директор был центром крутости. Высокий, мощно сложенный и выглядевший так, будто его сделали на танковом заводе, Кенни был одним из самых красивых парней в округе. Его кривая улыбка притягивала к нему женщин. Даже голос у него был чертовски крутой, темный и низкий.

Его кабинет находился прямо напротив универсального спортзала. Когда Корбин приходил на работу, его там не было, что обычно означало, что Кенни занимался на беговой дорожке или помогал кому-то из студентов тренироваться. Этими "ученицами" неизменно были самые сексуальные молодые женщины, которые приходили в зал. Иногда эта деталь немного раздражала Корбина. Килтона, похоже, не волновало, что он иногда флиртовал с восемнадцатилетними или девятнадцатилетними девушками на десять лет моложе себя.

Его нынешняя девушка была как минимум старшеклассницей. Брук Уоллес сидела между бедрами своего мужчины на скамье для тренировок, его руки свободно обхватывали ее. Она была одета в желтые тренировочные штаны и спортивный бюстгальтер, выставляя на всеобщее обозрение свой подтянутый пресс. Ее светлые волосы, обычно распущенные, как у какой-нибудь девушки-серфера, были прижаты к голове, и она возилась с ними. Несмотря на ее потрясающее тело, именно ее зелено-голубые глаза всегда заставляли Корбина замереть и обратить на себя внимание. Как и ее волосы, они напоминали ему о море и могли довести его почти до паралича, когда падали на него, как сейчас.

Брук улыбнулась и помахала ему рукой. Кенни уловил это движение и кивнул. Корбин кивнул в ответ, безумно завидуя тому, что мужской член будет прижат прямо к мягкому задку Брук. Он принялся за работу, доставая чистящие средства из небольшого чулана в задней части спортзала. Унижение, испытанное им ранее в классе доктора Виндзора, все еще горело ярким пламенем, и он работал тихо и быстро, с головой уйдя в протирку тренажеров.

Кенни в конце концов нашел дорогу к нему, лениво ухмыляясь. "Как дела, Корб?"

"А, ты знаешь", - сказал Корбин, стараясь казаться невозмутимым. "Как насчет тебя? Готовишься к играм в эти выходные?"

"О, черт возьми, да. Мы собираемся надрать задницу всем участникам. Где ты работаешь?"

"Принимаю билеты на соревнования по плаванию".

Глаза Кенни загорелись. "Хорошая сделка. Дай мне знать, что люди думают о новой пристройке". Старый плавательный комплекс был снесен предыдущей весной, освободив место для нового блестящего здания со стеклянными фасадами, которое выглядело так, будто его спроектировали в НАСА.

Корбин усмехнулся. "Будет сделано".

Кенни наклонился ближе. "И сделай перерыв, когда девочки встанут. Мишель Куинн, чувак... чертова задница на ней".

Корбин рассмеялся, но его взгляд метнулся к Брук, когда она делала выпады. Зачем парню вообще хотеть чего-то большего, чем она? "Мне придется это сделать. Могу я что-нибудь сделать для тебя сегодня вечером?"

"Ничего, что ты уже не делаешь. Продолжай в том же духе, и, клянусь, когда ты закончишь школу, ты будешь прогонять меня с работы".

В зал вошла женщина, привлекая взгляды обоих. Даже Кенни выпрямился, ухмыляясь. Это была, без сомнения, одна из самых красивых женщин, которых Корбин когда-либо видел, с длинными шелковистыми черными волосами, огромными ресницами, высокими скулами и маленькими темными глазами. Кем бы она ни была, она была здесь не для того, чтобы заниматься спортом, не в шелковой блузке и длинной синей юбке, не говоря уже о тяжелом макияже. Она могла и должна была быть на обложках журналов.

Она оглядела комнату, заметила Брук и поспешила к ней. "Кто это?" вздохнул Корбин.

"Джессика Накамура. Старшеклассница". Кенни увидел ошеломленный взгляд Корбина и ухмыльнулся еще шире. "Невероятно, правда?"

"Она... вау. Я никогда не видел никого настолько великолепного".

"Хочешь с ней познакомиться?"

"Конечно?" Корбин прочистил горло. "Конечно".

Они подошли, когда Брук обхватила плечо Джессики. Они посмотрели на мужчин, когда те подошли, но в основном проигнорировали их.

"...так что заходите, если хотите", - сказала Джессика.

"Обязательно. Могу я что-нибудь принести?"

"У меня будет много выпивки, но если вы хотите что-то конкретное, то да".

"Мы планируем вечеринку?" спросил Кенни.

"Планируем", - сказала Джессика и фыркнула. "Но если хочешь поучаствовать, принеси пятьдесят баксов. Это вечеринка "Парни - засранцы", так что все парни должны заплатить".

"Хорошо", - согласился Кенни, а Корбин поморщился. В данный момент пятьдесят баксов были для него огромной суммой. Кроме того, он даже не был приглашен. "Где и когда?"

"У меня дома. В эту пятницу, в семь. И я серьезно. Пятьдесят баксов".

"Готово", - сказал Кенни. Он повернулся и схватил Корбина за плечо. "Может ли мой человек Корбин получить приглашение?"

"Да, хорошо, конечно, как скажешь", - сказала Джессика и ушла, бормоча себе под нос.

"Что у нее в заднице?" спросил Кенни у Брук.

"Ты помнишь плейбоя, с которым она была?"

"Жуткого парня постарше? Да, конечно".

"Они расстались. Он собирается жениться".

"Ой", - сказал Кенни.

Брук шлепнула его. "Даже не думай об этом".

"Я с тобой. Ты в десять раз красивее ее".

"Ага. Привет, Корбин".

"Привет", - ответил Корбин, чувствуя слабость. Он только что получил приглашение на самую большую вечеринку в своей жизни, как будто в этом не было ничего особенного. "Извини, я... я действительно приглашен?"

"Не делай из мухи слона, чувак", - сказал Кенни. "Конечно, приглашен".

Брук хлопала его по плечу. "Будь вежлив". Корбину: "Ты в порядке. У тебя есть телефон?"

"Да".

Она назвала ему адрес, и он вбил его в свой телефон. "Тебя подвезти?"

Улыбка Корбина стала более естественной. "Да, у меня есть своя машина".

"Хорошо, круто". Брук ткнула пальцем ему в грудь. "Нам будет очень весело развращать тебя".

* * *

Корбин уставился на себя в зеркало заднего вида своей машины. Рубашка была совершенно новой, купленной специально для этой ночи. Но он забыл постричься, и ему не нравилось, как он выглядит лохматым. Он попытался провести по ней пальцами, но бесполезно. Он вышел из машины, запер двери и тяжело сглотнул. Его первая настоящая вечеринка в колледже, и она будет проходить с самыми крутыми людьми в кампусе. Никакого давления.

Слава Богу, он взял с собой "Тамс". Он прожевал одну, пока шел в направлении дома Джессики Накамуры. На полквартила в обе стороны от ее дома не было парковки, но Кенни сказал ему днем, что в нескольких кварталах отсюда есть большой торговый центр, и он сможет припарковаться там без всяких проблем.

Джессика жила на красивой, безвкусной улице, что делало ее дом в дюжину раз более впечатляющим, чем среднестатистическая квартира, снимаемая в колледже. Ее дом был двухэтажным, кирпичным у основания и белым на всем остальном протяжении. Несколько человек сидели или стояли на крыльце, протянувшемся через всю переднюю часть дома, а изнутри доносилась музыка. Корбин заколебался, затем начал подниматься по тротуару, доставая бумажник.

"Эй, парень, без детей", - позвал с крыльца парень с пучком.

"Меня пригласили? Джессика. Брук и Кенни тоже были там. Кенни Килтон?"

Парень стряхнул пепел сигареты в пепельницу на балюстраде крыльца и просунул голову внутрь входной двери. "Йоу, Кенни? Ты пригласил сюда Шегги?"

Кенни выскочил наружу, посмотрел в сторону Корбина и сказал Ман-Буну: "С ним все в порядке". Он снова исчез, а Ман-Бун сел на стул, видимо, довольный тем, что теперь он игнорирует присутствие Корбина.

Внутри люди не были совсем уж толпой, но их было достаточно, чтобы передвижение было затруднено. Вокруг пахло потом, яблочной корицей и травой. Через одну стену яркими веселыми буквами было написано: "МУЖИКИ - ДЕБИЛЫ! Кто-то прикрепил каракули с изображением мудака прямо посередине.

Почти сразу же Корбин натолкнулся на кого-то с прозрачным пластиковым стаканчиком,

наполненным до краев коктейлем, забрызгал его и выругался. "Извините", - вздохнул он, пытаясь обойти ее и группу, с которой она была. Кенни был уже глубоко внутри, покачивая головой в такт ритму, доносящемуся из саундбара. Его отвлекла пара женщин, танцующих вместе перед ним. Корбин попытался пробиться к нему, но у вечеринки были другие идеи, и его подхватило течением в направлении столовой и алкоголя.

Две женщины стояли за островком, смешивали напитки и подбрасывали их людям, когда те проходили мимо. Позади них на книжных полках высилась внушительная стена выпивки. Когда подошла очередь Корбина, первая из них рассеянно улыбнулась ему и крикнула: "Что ты хочешь?".

"Э-э... не знаю".

Она раздраженно хрюкнула, наполнила пластиковый стаканчик наполовину ромом и добавила поцелуй ананасового сока. Она сунула стаканчик Корбину, и его подтолкнули, выплеснув половину напитка на его новую рубашку. Никто ничего не заметил и никого это не волновало. Половина из них были так же пьяны, как и он.

Корбин на мгновение задержался у еды, достаточно долго, чтобы бросить кусок пиццы на бумажную тарелку и утащить ее с собой, прежде чем его подхватили и снова усадили в гостиную, которая казалась менее занятой. Вечеринка несколько сместилась на задний двор. Кенни исчез, и Корбин не видел Брук. Молодая женщина на конце дивана выкрикнула какое-то имя и, вскочив на ноги, побежала к двери. Кто-то толкнул Корбина к дивану, и он упал на него, благодарный за то, что его ненадолго отпустили.

На полпути к его пицце в гостиную ворвалась Джессика. Несмотря на свой маленький рост, она протиснулась сквозь толпу, как сила природы, время от времени останавливаясь, чтобы огрызнуться на кого-нибудь из парней. Каждый из них неизменно протягивал деньги, и она ставила печать на тыльной стороне ладони. Корбин успел вытащить бумажник, прежде чем Джессика добралась до него. Вместо денег она выхватила у него из рук напиток и выпила его до дна, после чего швырнула чашку ему в голову.

"Мужчины глупы!" - крикнула она ему.

"Я... согласен?" - сказал он, не желая сердить свою великолепную хозяйку.

"Глупые мужчины!" Джессика вздрогнула, когда стояла на месте, ее глаза осмеливались заставить его не согласиться. Когда он не согласился, она щелкнула пальцами.

"У меня только двадцатки", - крикнул он.

"У меня нет мелочи", - огрызнулась она в ответ, хотя он видел, как она только что положила три десятки и двадцатку в сумку на молнии.

"Ладно." Он все равно протянул шестьдесят баксов, и она схватила его за руку, чтобы поставить печать. Она снова зашагала прочь, а Корбин задумчиво вздохнул и покачал головой. Возможно, это была ошибка.

На пути нормальных людей его в основном игнорировали. Может быть, треть вечеринок составляли парни, почти все из которых были красивее или известнее Корбина. Он не был уродливым, не совсем, но эти парни его обходили, и он это знал. У них были мускулы, или идеальные волосы, или темные дымящиеся взгляды, или идеально вылепленные лица. У него был какой-то проникновенный взгляд, который очень нравился некоторым девушкам, но он никогда не знал, как им воспользоваться.

Корбин узнал пару парней из футбольной и баскетбольной команд, время от времени появлялся Кенни, но это было все. Он не был уверен - и был прав - что все были только из колледжа. Многие выглядели слишком взрослыми для этого. Мимо прошли несколько женщин, которых он знал по занятиям. Одна из них подошла поздороваться на минутку, и Корбин понадеялся, что она задержится. Но почти сразу же кто-то привлек ее внимание, и она ушла.

Примерно через час несколько человек начали расходиться, и Корбину открылся свободный путь к бару. Он решил рискнуть своим местом на диване и пойти выпить еще. Его рука коснулась его руки, и Брук крикнула ему на ухо: "Эй!".

"Сам привет!" Корбин крикнул в ответ.

"Как вечеринка?"

"Э... хорошо!"

Она засмеялась и сжала его руку, прежде чем отпустить. "Лжец. Я видела, как ты корчился".

<http://erolate.com/book/2678/62832>